

НОВЫЕ ОНЕЖСКИЕ БЫЛИНЫ

СТ ОНЕРИ
ДО НЕПРЯДЫ
Я. КОРНИЛОВ

18+

Александр Корнилов

От Онеги до Непрядвы.

Часть первая

«Автор»

2026

Корнилов А. А.

От Онеги до Непрядвы. Часть первая / А. А. Корнилов —
«Автор», 2026

Героическое фэнтези об участии каргопольского князя с дружиной в
Куликовской битве.

© Корнилов А. А., 2026

© Автор, 2026

Александр Корнилов

От Онеги до Непрядвы. Часть первая

«И приидоша князи белозерстии, крепцы суще и мужествени на брань, съ воинствы своими: князь Федоръ Семеновичъ, князь Семень Михайловичъ, князь Андрей Кемский, князь Глебъ Каргопольский и Цыдонский; приидоша же и Андомския князи...»

«Сказание о Мамаевом побоище».

Пролог.

Поздняя осень обдувает холодным ветром славный город Геную, столицу республики святого Георгия, гоняет туда-сюда опавшие листья, закручивает небольшие пыльные смерчи. Прохожие кутаются в плащи и накидки, стараясь поскорей укрыться от промозглой осенней погоды, погреться у камина или жаровни. Но хорошо защищают от ветра стены палаццо Дукале, дворце-резиденции дожей, правителей республики, а внутри пылают дрова в камине, пышут теплом жаровни с багровыми углями в кабинете дожа. Двое у камина попивают подогретое вино из дорогих стеклянных кубков и ведут неспешную беседу, кутаясь, однако, в меховые накидки. Один в красном шелковом облачении, с четырехконечным крестом на золотой цепи – кардинал*, архиепарх-митрополит Генуи, второй в богатом мирском костюме – дож Доменико Фрегосо. Если присмотреться внимательно, то станет видна наигранность их спокойной неторопливости, ведь оба испытывают некую озабоченность, да и неспроста. Уж очень беспокойный на дворе год – 1377 от Рождества Христова. Борьба вокруг святого престола дошла до того, что на данный момент целых два папы проклинают друг друга, и каждый требует признать истинным именно его. А война республики святого Георгия и республики святого Марка, Венеции, вступает в решающую фазу. И папская курия*, и республика близки к истощению финансов, поэтому срочно необходимо изыскать дополнительные ресурсы.

– Как Вы считаете, монсеньор, верно ли докладывают наши агенты, в частности негоциант Некоматто из Таны*, что в случае получения возможности вести торговлю напрямую с северными варварами, минуя московитов, наши прибыли станут поистине огромными?

– О да, мессир Доменико, полагаю, что сие возможно, однако, не только о мирском надлежит нам заботиться. Приведение схизматов* московитов в лоно католической церкви – вот наша первостепенная задача на Востоке. Литва уже вот-вот примет крещение из рук легатов святого престола, а там должна наступить и очередь Руси, Московского и других герцогств.

– Тем не менее, насколько мне известно, на Руси никто не горит желанием претворить в жизнь эти смелые проекты, более того, – дож слегка коснулся набалдашником трости медного гонга, висящего рядом. Мелодичный звон разнесся по палаццо, и расторопный слуга тут же возник у стола, поменяв кувшин с вином на более подогретый.

– Так вот, – продолжил сеньор Доменико, – все знают об ослином упорстве русичей в вопросах веры, а их князья и купцы вовсе не намерены давать нам свободу торговли на севере их страны.

– О, мессир Доменико, против варваров должно действовать именно варварскими методами, а лучше всего это сделают другие варвары.

Вы в курсе о работе нашей агентуры с этим дикарем из Орды, Мамаем*, кажется?

– Безусловно, монсеньор, тем более, что с ним работают и наши агенты. Дикарю нужно много золота, чтобы нанять войско и завоевать всю Русь. Дело в том, что у себя в Орде он не может стать ханом, так как не принадлежит к правящей династии. А на Руси он мечтает создать для себя еще одну Орду. Сейчас, чтобы получить средства на войну, он обещает нам многое,

считайте, всё. Но вот как он заговорит, если, получив помощь, завоюет Русь? Дикарь – он и есть дикарь, для него не существует понятий чести, поэтому надо бы заранее принять меры...

– Ну пока он воюет на Руси, ибо завоевать ее отнюдь не просто, мы надавим на Литву, окрестим ее и сможем пугать Мамаю союзом Литвы, Польши, Венгрии и Ордена. Да и в Сарае не весьма доброжелательно отнесутся к потере русского улуса. Так что Мамаева Орда будет между молотом и наковальней. Ему придется выполнить договор с нами.

– А Вы, монсеньор, слышали об этом новом оружии, стреляющем с грохотом и дымом?

– Ну конечно, мессир, святой престол всегда в курсе всех военных новинок. Правда, это оружие весьма ненадежно, поэтому мы с Вами выберем старое и проверенное оружие – золото. Да, звон ваших лир* будет поубедительнее грохота этих бомбард*! – воскликнул кардинал, потирая руки и залпом допив свой кубок.

– Но, монсеньор, республика сейчас испытывает определенные трудности с финансами, вы же знаете, война...

– О, не волнуйтесь, мессир, определенное участие в финансировании этой операции примет и святой престол. Главное, что требуется от республики – это немедленное снаряжение нескольких боевых галер для доставки золота в Тану. Это должны быть лучшие корабли с отборными экипажами, чтобы гарантированно доставить...

– Разумеется, монсеньор, мы отправим корабли как только нужная сумма будет в наших сундуках, невзирая на зимние штормы.

Мессир Доменико встал и, подойдя к кардиналу, склонил голову.

– Благословите, святой отец.

– Благословляю, сын мой! – торжественно произнес кардинал, осеняя голову дожа крестом, – и прошу объявить, что в случае успеха всем участникам этой сложной операции будут отпущены все грехи!

– Амен! – подытожил дож.

А на Руси в это время – зима, морозы сковали реки и озера, превратив их в отличные дороги, по которым так легко мчаться на тройке добрых коней! А красота-то какая! Могучие деревья как серебряной чеканкой украшены инеем, снег играет на солнце как бриллиант, ели под снежными шапками – как боярыни в дорогах уборках, под белым покрывалом скрыты ухабы, валежник, болотина. На закате вечерняя заря дивно красит всё в розовый по синему цвет. Все краски на снежном фоне смотрятся ярче, насыщеннее. По замерзшим руслам рек и речушек, срезая путь и по краям болот, идут санные обозы, громко скрипят полозья, пар валит от коней, тянущих груженные сани. Возчики в тулупах, сидя на возах или шагая для разминки или сугрева рядом с возами, довольны – хорош зимний путь.

На берегу Плещеева озера, в Переяславле-Залесском, в старейшем Никитском монастыре, в натопленной келье беседуют двое. Один – невысокий, в простом подряснике, однако на груди его на золотой цепи – роскошная пангия*, символ высшей церковной власти. Второй – в таком же простом подряснике, высокий, поджарый и, судя по запястьям рук, владеющий немалой силой. На его груди – серебряный пастырский крест.

– Знаю, о чем задумался ты, брате Сергие, – наконец нарушает тишину митрополит киевский и всея Руси Алексей. Он говорит с усилием, видно, что он очень стар и, пожалуй, не совсем здоров, однако, привычным усилием воли заставляет себя подавить слабость ради важного разговора, – но об этом – после. Сей же час будем говорить о насущном. Ведомо, что фряги* Мамаю дают злато, много злата, дабы он с нанятым войском поработил Русь и основал тут свою, Мамаеву Орду.

– А взамен оный Мамай дозволит фрягам торговать в завоеванных землях как хотят и чем хотят, так, отче? – продолжил Сергей, игумен Троицкой обители под Радонежем.

– Истинно так. Мамай завоюет Русь, но война его ослабит так, что Залесскую Русь тут же захватит Литва, в которой вот-вот победят католики, – продолжает Алексей.

– Сие будет концом Православия и языка русского, концом Руси, – сурово подытожил Сергей.

– Потому надлежит тебе, брате, принять на себя труды особые, кои сейчас я несусь на плечах своих. Сохраним Веру – сохраним Русь, – подытожил Алексей твердо.

– Пока жив – не оставлю дела наши, ибо это и есть наш крест. Фряги и так в донском улусе у Мамаю как у себя в доме хозяйничают. Три лета тому назад некий фрязин Лука* на ладье поднялся по Дону, переволокся в Волгу, вышел в море Хвалынское и там торговал да грабил. Потом надумал с добром награбленным в обрат идти, да нарвался на ушкуйников новгородских, а те живо растолковали фрязину, что не его тут места. Жив остался и в Тану пешим ходом пришел.

– Вот и от шильников да ухорезов новгородских польза, – слабо усмехнулся Алексей.

– Пришел, – продолжил Сергей, – да камня самоцветные припрятанные принес и поведал своим, что и торговать, и разбойничать в тех краях прибыльно. И это лыко им в строку, чтобы Мамаю помочь. Потому, отче, правы мы с тобой были, когда вельяминовскому отцу Герасиму поручили с Иваном Вельяминовым* в Орду ехать и уши тамо открытыми держать.

– Были от него вести, что Иван в чести у Мамаю, что Мамай ему при своей власти московское тысяцкое* обещал. ТольНо, мыслю я, быть ему при Мамае на Москве тысяцким, только в холопском звании*, – задумчиво произнес Алексей. Потом кивнул на кувшин на столе:

– Налей-ка, брате, по чарочке, там настой на меду целебный. Стар я, силы подкрепляю напитком сим. И себе налей, выпьем за наше дело.

Сергей приподнялся и, взявшись за кувшин, наполнил стоявшие на столе две серебряные чары.

– Ну, брате, позвоним чашами! – торжественно произнес Алексей. Чаши звякнули, соприкоснувшись краями...и о, чудо! Не два смиренных служителя Церкви – два воина Бог знает в каком поколении сидели за столом прямо и смотрели твердо. Ибо оба – и митрополит Алексей, и игумен Сергей, были из старинных боярских родов*, а боярин, муж бо ярый, прежде всего – воин. И отцы их также как воинов с пяти лет воспитывали, учили всякой воинской премудрости. Вот и выиграла вдруг кровь, проснулась воинская составляющая их воспитания. Выпили, поставили чаши на стол.

– Благослови, отче, продолжать труд твой, – Сергей опустился на колени перед предстоятелем русской церкви.

– Благословение Господа Бога и Спаса нашего Иисуса Христа на рабе Божии Сергии всегда, ныне и присно и во веки веком. Аминь, – произнес Алексей, перекрестив Сергия.

Они еще долго сидели, попивая нехмельной мед и обсуждая детали противостояния католической ереси. Именно в этой келье затерянного среди заснеженных лесов монастыря ковался сейчас меч, коему суждено погубить тех, кто придет с мечом на Русь.

Слова, отмеченные звездочкой.

Кардинал – высший церковный титул в католической церкви, выше только папа римский.

Папская курия – главный административный орган Святого Престола и Ватикана и один из основных в Католической церкви.

Тана – город-колония генуэзцев в районе современного города Азов.

Схизматы – это верующие, отколовшиеся от основной церкви из-за разногласий в обрядах или толковании священных текстов. Католики считали схизматами Православных, хотя по факту откололись от Вселенской церкви как раз они.

Мамай – беклярбек и темник Золотой Орды. С 1361 по 1380 год, в период «Великой замятни» (длительной междоусобной войны в Золотой Орде), от имени марионеточных ханов

из династии Батуидов управлял западной частью (временами также столицей) Золотой Орды – Мамаевой Ордой.

Лира – денежная единица в Генуэзской республике.

Бомбарда – самое первое огнестрельное оружие в Европе.

Пангия – часть архиерейского облачения, небольшая икона, носимая на груди. На архиерейских панагиях чаще всего бывает изображена Пречистая Богородица.

Фряги – итальянцы, здесь – генуэзцы.

Фрязин Лука – Лукино Тариго. В 1374 г., выйдя из генуэзской колонии Кафы (современная Феодосия) на небольшой галере (фусте), он пересек Азовское море, достиг Таны (Азов), а затем поднялся вверх по реке Дон. По суше, в самом узком месте между двумя реками, его люди перетащили волоком судно на Волгу, по течению которой спустились вниз до Каспийского моря. Выйдя в море, они «увидели там много кораблей», занявшись торговлей и пиратством.

Иван Вельяминов – сын последнего тысяцкого Москвы. Он не получил звания своего отца. Обидевшись и задумав сохранить звание тысяцкого, с купцом [Некоматом](#) в 1375 году бежал в [Тверь](#), чтобы помочь получить Тверскому князю [Михаилу Александровичу](#) ханский [ярлык](#) на Владимирское великое княжение. Московское войско осадило [Тверь](#), и Михаил Александрович вынужден был сдаться, согласившись на все жесткие условия Московского князя. Иван Вельяминов в это время был в Орде, где и остался. В 1378 году, после возвращения Некомата, Иван Вельяминов попытался тайно вернуться в Тверь, но был схвачен в [Серпухове](#), и оба были казнены 30 августа 1379 года на [Кучковом поле](#) в Москве, несмотря на то, что род [Вельяминовых](#) был одним из богатейших и знатнейших – великий князь называл отца Ивана Васильевича своим дядей. В Московском государстве это была первая публичная казнь.

Тысяцкий – должностное лицо княжеской администрации в городах. Первоначально тысяцкий был военным руководителем городского ополчения («тысячи»), которому подчинялись десять сотских. В дальнейшем наряду с военными функциями в руках тысяцких сосредотачивались полномочия по отдельным областям городского управления (городской суд, административный контроль в сфере торговли).

Холоп – несвободное население в Киевской, Удельной Руси и Русском государстве. По правовому положению холопы приближались к рабам. Зависимых людей их господа могли продавать, покупать, дарить, передавать по наследству или отдавать дочерям в качестве приданого. В отличие от податных слоёв населения, холопы не платили подати. Холопы делились на две категории: – страдные люди – ремесленники и хлебопашцы, работающие на господина и приказные люди – слуги, ключники, тиуны (управляющие), представители сельской администрации и т.п..

...Из старинных боярских родов – Алексей, в миру Елевферий, родился в 1292 году (по другим данным, 1304) в Москве в семье боярина Феодора Бяконта, выходца из Черниговского княжества; – Сергей, в миру Варфоломей – сын знатного ростовского боярина Кирилла.

Глава 1.

Смеркалось, грохот битвы стихал, время от времени со стороны Вожи-реки* в сторону обоза выносились всадники, одиночные и группами, с ошалевшими глазами, на скаку хватали бурдюки с питьем, сдергивали с костров жарившееся для них мясо и галопом неслись дальше, в наступающую ночь, уходя от погони. Редко кто спешил, чтобы прихватить что-то ценное или посадить в седло жену или просто какую-то бабу, видимо, свою или убитого знакомого. Ибо это был разгром, полный разгром. Не было видно ни мурз, ни тысячников, все полегло, когда страшный вал московско-рязанской бронированной конницы рухнул на рысавших воинов Орды, у которых после переправы просто не хватило места для разгона в атаку. Вот и шли рысью, пуская почти бесполезные стрелы, когда урусы* сомкнутым строем ударили в копья,

опрокинули назад на берег и в саму Вожу и, бросив копья с наколотыми воинами, принялись рубить скученный тумен*. Задние урусы ловко вскакивали на седла и стоя пускали стрелы в гущу врага. Конечно, воины Орды были не дети, урусы тоже несли потери, но все равно это был разгром. Погибли знатные мурзы – Хазибей, Кавергуй, Карабулук, Кострук и сам Бегич, которому Мамай и поручил нагнать страху на урусов. Потому и уносились выжившие в степь, нахлестывая коней и надеясь на ночную тьму.

В обозе никто не спал. Кто мог – бежали к запасным табунам, которые должны были пастись поблизости, но большая их часть была спугнута табунщиками и беглецами и уходила в степь, так что разжиться конем было непросто. Выпрягали коней из арб и телег, садились верхом и тоже уходили. Некоторые решились спастись даже пешком, ибо судили по себе: – уж они бы после победы не просто перебили всех урусов, а запытали бы до смерти. Того же ждали и для себя.

Отец Герасим выбрался из-под арбы, где благоразумно переждал бегство разбитого Бегичева войска. Шальные с перепугу ордынцы, увидев в своем обозе русского попа, могли и рубануть походя. Тогда все усилия, приложенные отцом Герасимом пошли бы насмарку. Чего только стоило втереться к фрягам в доверие и прикинуться согласным пока тайно перейти в католичество, а ведь это было даже не половина дела. Надо было подвести своего господина, знатнейшего московского (увы, бывшего московского) боярина Ивана Вельяминова к мысли о необходимости сообщить в Москву о кознях католиков. Правда, Иван, сразу уразумев, чем грозит всей Руси, а не только Москве, победа Мамай, а затем Рима, сам отправил своего домашнего священника на Русь с войском Бегича, что тоже было непросто обставить. Но тут помог Сарский епископ* Матвей, подсказавший верное решение. В набег с Бегичем шли две сотни донских бродников – людей русского языка и Православной Веры, в основном таких же русичей. Бродники еще со времен Батыя служили Орде, охраняя броды через Дон и другие реки, а заодно – западную границу Орды. Им разрешалось заводить семьи, иметь скот и огороды. Они сами выбирали себе сотников, а вот тысячниками были уже ордынцы. Иногда они ходили в походы вместе с ордынцами, но после начала междоусобицы в Орде стали уклоняться от участия в них, ибо оставлять дома и семьи стало опасно. Кое-кто уже переправил семьи на Русь, некоторые и вовсе мечтали насовсем туда уйти. Таких ордынцы и называли казаками – людьми, ушедшими от своего народа. Епископ пользовался у бродников большим уважением, и отказать ему не посмели бы. Он и нашел таких, кто собирался уйти на службу на Русь, аж две сотни. Выбрал для такого дела троих родичей, свел их с отцом Герасимом и приказал делать все, что он прикажет. Так и попал отец Герасим в ватагу бродников в качестве травника, умеющего лечить раны. Сказать по правде, не силен он был в лекарском деле, но для солидности бродники выдали ему кожаный мешок с сушеными травами, острый маленький ножик и щипцы для вытаскивания наконечников стрел. Весь путь до Вожи эти трое бродников ехали рядом с его арбой. Старшой в этой тройке, которого звали Никон Савич, далеко не молодой уже воин, лет так около шестидесяти, пользовался в ватаге большим авторитетом, даже их сотник всегда с ним советовался, а другой сотник прислушивался. Второй – его сын Андрей, со странным прозвищем Княжич, матерый вояка тридцати годов, и третий – братан* Андрея, сыновец* Никона Даниил прозвищем Чур, самый молодой, чуть старше двадцати, но по ухваткам судя отнюдь не новичок. Надо сказать, что без их помощи и защиты отец Герасим наверно и не доехал бы до Вожи, ибо нынешние ордынцы, очерстневшие в беззакониях, скорей всего не посчитали бы нужным соблюдать древние повеления ханов не трогать священников, а просто убили бы его, предварительно ограбив. Однако, связываться с бродниками им явно не хотелось, поскольку при всех равных условиях бродники были куда здоровее ордынцев, а, значит, могли дальше метнуть сулицу, имели более тугие луки и более длинные копья, а их сабли в более длинных и сильных руках могли развалить противника наполю*. Да и кони у бродников были выше и сильнее. Так что путь от ставки Мамай до Вожи-реки отец Герасим

проделал безопасно и даже с комфортом, поскольку к верховой езде был не очень привычен, вот и посадили его на обозную арбу. Тряско, скрипуче, пыльно, но все-таки не пехом и не верхом. Бродники ехали рядом и распевали свои протяжные песни:

– По крутым горам по диким степям
Между трёх дорог,

Между Сарайской, другой Рязанской,
Третьей славной Киевской

Он проезживал вот, наш Добрынюшка,
Сваво коня доброго...

Отец Герасим дивился: – на Руси про старых богатырей народ почти позабыл, а тут простые люди помнили! Правда, не былинным был распев, а степным, с подголосками, но ведь помнили же! Дивно это было хорошо начитанному (а разве взяли бы Вельяминовы неграмотного в домовую церковь?) священнику.

Перед битвой Никон прискакал и строго наказал отцу Герасиму никуда из обоза не отлучаться, а укрыться поблизости от арб обоза бродников и ждать. На недоуменный вопрос сурово ответил:

– Побьют ныне ордынцев, как Бог свят – побьют. Полки у русичей изрядные, да и сам князь великий тут. Ну а мы поможем чем можем, – поднял коня на дыбы, крутанулся на месте и умчался в сторону войска, откуда уже начал нарастать шум боя.

И теперь, выбравшись из своего укрытия, отец Герасим гадал – когда же объявятся бродники и с какими вестями. Когда стемнело, он поджег заранее приготовленные дрова от головни недалевого покинутого костра, и тут, как по сигналу, из темноты мягко, без стука копыт, выехали трое всадников.

– О, вот это любо, отче. Костер нам в самый раз будет, – добродушно проворчал Никон, спешиваясь и привязывая коня к арбе. Следом спешили и Андрей с Даниилом. Сняли с коня рогожный куль, из которого капнула кровь, отчего отец Герасим испуганно дернулся.

– Да конина там, не робей, отче. Махан* свежий, сейчас жарить будем, а то с утра не евши-не пивши. Чур! – позвал Никон. Даниил понятиливо кивнул и исчез в темноте. Андрей вытащил из куля кусок мяса и начал резать его на тонкие ломти, насаживать их на прут и прилаживать над огнем. Вскоре из темноты вынырнул Чур, неся под мышкой бурдюк, а на плече – мешок. Подойдя, положил все на траву у костра. На вопросительный взгляд Никона пояснил:

– Айран* тут. Ни кумыса, ни бузы не нашел. В мешке – лепешки и сыр.

– Ну добро, – кивнул Никон, – Андрей, как мясо?

– Готово, бачко*, доставайте лепехи, – и когда Чур разложил четыре лепешки, Андрей ножом стал снимать на них мясо с прутьев.

– Благодарствую, люди добрые, – подал голос отец Герасим, – я не ем конину, мне бы сыру чуток.

– Бери, отче, – Чур великодушно вынул из мешка половину круга сыра и подал священнику, – кушай вволю, вроде в пути пост не надоть соблюдать.

– Так, сыне, однако, и усердствовать не стоит. Заморил червячка – и слава Богу.

– Ну тогда, отче, благослови трапезу нашу, – попросил Никон. Отец Герасим встал и прочитал Иисусову молитву, бродники ответили:

– Аминь. Благословите покушать.

– Бог благословит.

После этого первым откусил лепешку с мясом Никон, а затем принялись за еду и остальные, запивая ее айраном, налитым в деревянную миску, поскольку чашек или кружек не было,

а чарки, бывшие у каждого бродника, на такое питье не годились. Когда поздний ужин был закончен, Никон объяснил план дальнейших действий.

– Ну вот, завтра поутру русичи переправятся на этот берег и заберут обоз. Добычи тут, почитай, никакой и нет, в набег шли, так что окромя ясырей* брать нечего. Табуны все угнаны или разбежались, а в арбах да телегах только снедь да одёжа запасная. Ну сколько-то sprawy воинской есть, стрел много. Так что дуван дуванить* недолго будут. Наше дело, робята, отца Герасима какому ни есть воеводе сдать, а самим поблизости держаться, пока до больших воевод не дойдет. Там уж все и поведем.

– А что, сыне, – обратился священник к Никону, – неужто и вправду помогали вы русичам?

– А то! – гордо ответил тот, – как только русичи в напуск пошли, наши две сотни, кои ордынцами были в передние ряды поставлены, во всю прыть конскую в стороны прыснули, да еще и из луков по орде вдарили. А потом панику навели, стали кричать по-татарски, что окружают нас. Ну тут ордынцы и перепали, струсили. Не тот батыр ныне пошел в Орде!

– А где ваши сотни-то?

– Так кто куда, отче. Не всем любо на Москву идти. Кто до Рязани решил податься, кто в Новгород, а кто и в Хлынов городок, не слыхал про такой?

– Как не слыхать! Живут тамо самые отпетые ухорезы из ушкуйников*, коим и Новгород не указ. Так что, окромя вас, боле никто Москве и не пожелал служить?

– Пожелали, поболее полусотни сабель, – вставил Андрей, – ну и мы трое с тобой, отче. Только та полусотня на том берегу осталась. Мыслью, они поутру первые сюда и прискачут.

– А до утра недолго и осталось, давайте спать-почивать, робята, день на завтра долгий да хлопотный будет, – подвел под разговором черту Никон, – спите, я первую стражу сам постою. Ангела-хранителя вам в сон.

Отец Герасим, пробормотав молитву, улегся под арбу, завернувшись в ордынский тулуп, а Андрей с Даниилом завернулись в мохнатые плащи-бурки* из войлока, которые переняли у жителей предгорий Кавказа, и также улеглись. Никон, также в бурке, встал спиной к костру, оперся на пику и замер неподвижно.

Проснулся отец Герасим от того, что лицо и борода намокли от росы и тумана так, как будто на него водой плеснули. Обтерся рукавом подрясника, осмотрелся и ничего не увидел: – густой белый туман был так плотен, что в пяти шагах ничего не было видно. Стоящий в дозоре Андрей, увидев, что священник проснулся, спросил:

– Чего, отче, не спится?

– Так, вишь, намочило всего, аки в воды ввергли мя...

– Ништо, солнышко встает – высушит. А коли уж не спишь, так отломай от арбы сухую деревяху какую, да огонь разведи. Поджарим махан, да поснедаем, а то день долгий да хлопотный будет, и чем накормят, али вовсе не будут кормить – неведомо. Бачко с Чуром нехай просыпаются, потыркай Чура.

– А пошто, скажи, Андрей, ты батюшку своего эдак зовешь – бачко, аки татарина? Звал бы батькой что ли...

– Э-э-э нет, батько – нам всем отец, атаман. А бачко – это родной батюшко. От прадедов так заведено, не нам рушить обычай.

– А кто у вас атаман ныне?

– Походный у нас первый сотник Владко Бука, ты его видел.

– А отец твой пошто не атаман?

– Не, он...

– Сынку, пошто гутаришь* громко, будишь ни свет, ни заря? – раздался из-под бурки голос Никона.

– Ну вот, разбудил, а еще ничего не готово, – раздосадовано вымолвил Андрей, – давай, отче, помогай, а то встанут да тебя и съедят, ха-ха-ха!

– А я гляжу – не шибко вы тревожитесь, как вас московские воеводы примут, – изломав доску от арбы, уложив ее по годному и высекая огонь, сказал отец Герасим.

– А чего нам, отче, попусту кручиниться-то? Ноне живы, сыты – и слава Богу. Наш день – наш век, – ответил за сына Никон, сядя и откидывая бурку, – Чур, спишь долго! Сон нам не товарищ.

Чур мгновенно, как будто и не спал, вскочил, поводил руками по росистой траве, а потом мокрыми руками как бы умыл лицо, перекрестился и подменил Андрея. Тот достал мясо и принялся нарезать и нанизывать на прутья, а потом прилаживать над разведенным отцом Герасимом костром.

Никон встал, умылся росой, как Чур, осенил себя крестом и достал из арбы мешок с лепешками и сыром, укрытый рогожей от сырости.

– Чур!

– Что?

– Дай пику, а сам пробежись по обозу, найди чего попить, хучь бы и водицы. Да с запасом. Ну а мед-пиво, коли все ладно, на Москве пить будем.

Чур приставил пику к арбе и исчез в тумане, но вскоре вернулся с двумя кожаными ведрами, полными воды.

– Родник там, – пояснил, после чего наполнил водой все походные баклаги.

– Готов махан, идите снедать, – позвал Андрей, раскладывая мясо по лепешкам. Отец Герасим благословил трапезу, приступили к еде. Пока ели, туман поредел под жарким августовским солнцем, а земля, как все почувствовали, задрожала, причем дрожь усиливалась. Все обернулись в сторону реки и замерли: – легким галопом прямо на обоз неслась, сверкая доспехами, конная лава русичей.

– Ну вот, слава Богу, и дождались, – облегченно выдохнул отец Герасим, понимая, что ожидание закончилось. Бродники вскочили и выставили пустые ладони в сторону лавы. Передние всадники, видя перед собой явно русских людей, оглябая их поскакали дальше, а вот в третьем ряду всадник в недешевых доспехах придержал коня:

– Кто такие будете? На рабов или полоняников не похожи.

– Бродники мы, воевода, из тех, что от Бегички ушли перед боем. Вот батюшку защитить вернулись, а то зарезали бы его сыроядцы*, коли узнали бы, что мы из боя вышли, – быстро и четко пояснил Андрей.

– А батюшка с вами что ли?

– С нами. Лекарь он, да и как на войне без священника! У вас ведь в полках тоже и попы, и монахи есть.

– Ладно, не мое дело, – подвел было итог воин, но тут влез отец Герасим:

– Господине, мне бы самого великого князя повидать надоть.

– А это еще зачем? Делать ему больше нечего, как с тобой лясы точить.

– Так никому, кроме его, не поведаяю, наказано так.

– Кем наказано?

– Епископом Сарским и Подонским Матвеем, воевода, – все-таки по умному ответил отец Герасим. Но тут к ним подъехал еще один всадник в дорогих доспехах, да еще и сопровождаемый пятью воинами.

– Что тут, Семен? Что за люди?

– Да бродники вчерашние, а с ними священник из Орды, бает*, что от епископа Матвея из Сарая.

– Ну-ка, дай, отче, гляну на тебя...ох ты! Семен, ты ведаешь, что это за птица? Это ж домашний поп самого Ивана Вельяминова! Государева изменника! Я на подворье у Вельяминовых его не раз видел. Что он тут делает?

– Так от епископа до князя нашего...

– Ой ли! От епископа ли? Семен, я его забираю, тут надо сыск чинить*, почто он к государю хочет попасть. Эй, молодцы, взять попа!

– Не торопись, воевода, – угрожающе произнес Никон, – нас епископ нарядил оберегать отца Герасима, ты не можешь его приказ отменить.

– Чтооо?! А ну, взять попа! – заорал воевода. Его дружинники спрыгнули с коней и дернулись вперед, но у них прямо перед лицами сверкнули три сабли.

– Я ж гутарю – епископ приказал! – рыкнул Никон, – охолонь, и псов своих приструни, воевода.

– Ах так! На государевых верных слуг оружие поднимать?! Это прямая измена! – еще громче заорал боярин, повернулся к своим, чтобы отдать какой-то приказ, но тут на шум подъехали атаман Владко Бука и боярин в таких доспехах, что сразу было видно – большой воевода. Ну и свита, десятка два. Подъехавший большой воевода лишь вопросительно глянул на крикуна, и тот сразу стал как бы и ростом меньше, и засуетился услужливо.

– Вот, господине, бродники, а с ними поп из Орды, бает, что от епископа до князя нашего послан...

– Батюшки, никак Тимофей Васильевич! – отец Герасим возрадовался и кинулся к воеводе, – яз это, недостойный раб Божий, али не признали?

Бродники многозначительно переглянулись: – перед ними на породистом скакуне в богатой сбруе восседал сам окольный Тимофей Вельяминов, дядя беглого Ивана Вельяминова, командовавший в битве правым крылом русского войска.

– Как не узнать, Герасим! Узнал. Значит, из Орды ко князю Дмитрию Ивановичу добираешься? – Ну-ну... – воевода задумался на минуту, потом скомандовал:

– Я тебя забираю для расспроса, ибо ты – спутник государева изменника. Вам, – обратился он к бродникам, – вольно либо со мной в Москву ехать и попа далее охранять, но вместе с моими кметями*, либо в свою сотню, либо на все четыре стороны путь чист.

– С тобой, господине, в Москву, – ответил Никон, а Андрей и Чур согласно кивнули. Все трое убрали сабли в ножны и отошли в сторону. Дружинники Тимофея посадили отца Герасима на круп лошади за дружинником. Второй дружинник, видимо, десятник, подъехал к бродникам:

– Найдете обоз окольного Тимофея Васильевича Вельяминова, с нами и поедете на Москву. Харчеваться с нами согласны? Плату не спросим, – хохотнул, – только ложки свои не забудьте. А коли надумаете ко князю в дружину – милости просим.

– Поглядим да подумаем, а потом погутаим. Сам-то кто будешь? – ответил Никон.

– Я не боярский, я из княжьих, Карп Олексин, десятник. Но сей поход с боярином иду, – они обменялись с Никоном понимающими взглядами. Вестимо, дядю изменника никто ни в чем не обвинял, но приглядывать было просто необходимо.

– Никон Савич я, а то сын и сыновец мои. Андрей и Даниил.

– Добро. Ежели какая собака сутулая будет рот открывать да лезть с расспросами – скажетесь, что со мной, – Карп тронул коня шпорами и зарысил следом за боярином.

– Видать, не прост этот десятник, ох и не прост, – задумчиво высказал общую мысль Андрей.

– Ясен пень, не прост. Тут ухо надо остро держать, – ответил Никон.

– А саблю – и того острее, – попытожил Андрей.

– Так, сынку. Собирайтесь, да поехали в обоз к боярину, а то как бы нам не потерять отца Герасима. Служба наша еще не кончилась.

– Так что, – подал голос Чур, – так и будем теперь всю жизнь за попом ездить? Неужто нас от этой службы не ослобонит никто?

Парню надоело вот так мотаться туда-сюда, не приобретая ни славы, ни добычи.

– Есть такой человек, – негромко ответил Никон.

– Это кто же?

– Игумен Сергей.

– И где мы его искать будем, бачко?

– Мыслью я, он нас сам найдет и поведет – что дальше делать.

Так за разговором и собрали пожитки, навьючили на заводных коней, коих еще до битвы схоронили в роще в двух верстах от обоза, а сейчас подогнали, поседлали и тронулись на другой берег в поисках обоза Вельяминова. Переправившись через Вожу, выехали на поле битвы, где обозники переносили убитых русичей к вырытой в отдалении братской могиле. Впрочем, это касалось только простых воинов. Знатных по любому собирались везти хоронить домой. Трупы ордынцев никто хоронить и не думал – звери похоронят. Волки, лисицы, все, кто питается мясом, уже кружили вокруг поля боя, не особо пугаясь людей, а вороны чуть не на головы садились, иногда даже пытались отогнать людей, с карканьем кидаясь на тех, кто мешал им пировать.

Обоз еще и не думал тронуться в обратный путь, стояли у поля битвы, как тогда говорили – «на костях». Конные дозоры рыскали вокруг лагеря, а войско готовилось хоронить павших. К вечеру все убитые русичи были найдены, уложены в братские могилы, походные священники отслужили панихиду. Все, в том числе и великий князь, и другие князья и воеводы бросили в могилу по горстке земли, а уж потом обозники засыпали могилы землей, установив на каждой свежие кресты в полтора человеческих роста. За ужином все получили по ковшу меда, пива или дорогого вина, помянули павших и улеглись спать, ибо на завтра был назначен отъезд.

Солнце только начало подниматься из-за окоема, а лагерь уже пришел в движение. Уже готовый, сразу ушел вперед головной дозор, следом – конный полк. Тем временем, позавтракав и помолвившись, тронулись в путь великокняжеский двор и дружина, за ними в строгом порядке и соблюдая очередность остальные войска. Полки шли налегке, с песнями и удалым посвистом, бывало, что какой-нибудь искусный наездник выскакивал впереди полка и под лихую песню однополчан принимался джигитовать*. Когда проходили через селения, народ выбегал к тракту и приветствовал войско радостными криками, женщины совали воинам пироги, девицы – крынки с молоком и ковши с квасом. Великий князь приветствовал народ взмахом руки, вызывая приветственные возгласы.

Где были церкви с колокольнями – звонили благовест.

Совсем иначе шел обоз. Конечно, войско шло так, чтобы обоз не отставал сильно, ибо хоть за обозом и шел полк в качестве охраны, но мало ли что... Обозникам сейчас было труднее всего, ибо кроме самой езды и сохранности груза, на них плечи легла забота о раненых, которых требовалось кормить, поить, перевязывать, иногда и обмывать, ведь были и такие, кто до ветру сам не мог сходить. Поэтому в селениях обозники просили всех, кто смыслил в лечении, помогать. Ну и ткань для перевязок, потому что грязные и окровавленные повязки стирать было некогда и негде, их выбрасывали. К счастью многие обозники не первый и не второй раз так путешествовали, опыт был. Ну а у кого не было – тем помогали. И все равно было нелегко.

Для отца Герасима нашлась аж целая телега с возницей. Правда, возница был не смерд и не холоп, а пожилой седобородый воин в простых, но хорошего качества доспехах, которых он не снимал, уложив, правда, в телегу щит, копье и лук с колчаном. Еще погрузил два приличных размеров тюка, ну и котомку, мешок с травами и тулуп отца Герасима. Своего коня воин привязал к задку телеги. На веселый вопрос Чура – кого, дескать, воевать собрался, ветеран буркнул нечто непонятное, но судя по интонации достаточно неприветливое. Зато с Никоном

у него установились самые дружеские отношения. Со стороны это выглядело весьма странно, ибо они почти не разговаривали: десяток слов за день – считай, болтали без умолку. Однако, во всех действиях была такая согласованность, как будто это их совместный десятый поход, а никак не первый. Каждый день, иногда два раза, приезжал Карп Олексин, обменивался парой слов с возницей, иногда заводя разговоры и с бродниками.

– Ну что, не надумали еще в службу идти? У великого князя служба не пропадет. Оно конечно, будут вас и бояре в дружины звать, иначе, помните: лучше ходить в лаптях на княжеском дворе, чем в сапогах на боярском. Правда, на княжеском-то дворе в лаптях никто и не ходит. Служить боярину – это служить боярину, а служить великому князю – служить Руси.

– Так ведь не один московский князь на Руси... – пытался возражать Андрей.

– Не один, но все яснее становится, что окромя Москвы нет больше никого, кто мог бы собрать Русь. Ни Тверь, ни Суздаль того не смогут. В Новгороде не о Руси, а о мощи своей думают, ноне даже на вече простой народ ничего уже не решает. Решают те, у кого серебра больше.

– А Литва? Почитай, все земли тамо по-русски гутарят да в Вере Православной живут.

– Увидите сами, как еще на нашей памяти папешники в Литве одолеют, а гонения на Веру да язык наш все сильнее давить люд православный станут.

– А куда те наши, которые перешли к вам на Воже, подались?

– Полсотни и семь идут с нами, дабы в дети боярские вписаться, получить деревни и служить великому князю. Еще с полста ушли на Рязань, Олегу рязанскому послужить в порубежниках. Сколько-то идет с нами по пути, на новгородские земли пойдут. Мыслью, в ушкуйники метят. И десятка три из них думают на Хлынов идти.

– Да уж, из-за этой замятни* в Орде худо на Дону стало жить. Ежели смута не утихнет – быть тому месту пусту. А все Мамай етот, – поддержал беседу Никон.

– А у вас, поди, и жены есть, и детишки? – участливо поинтересовался Карп.

– Нету у них еще женок, все казакуют. А я свою давно на Русь отправил со знакомыми купцами, подале на полночь, куда Орда не доходила и не дойдет.

– Вот и шли бы на службу к великому князю. А парней оженем, невест у нас много.

– Вот доведем отца Герасима в Москву – тогда и думу думать будем, – подводил итог Никон. С тем и отъезжал Карп.

Отец Герасим, едучи с удобствами, однако, чувствовал, что не все у него хорошо. Например, те священники, которые шли с войском, старательно не замечали его. Воины, кроме бродников, также старались минимально ограничить общение с ним. Нет, не был он своим тут, ох не был! И чувство тревоги все сильнее беспокоило, не давало спокойно спать. Как то оно все будет на Москве? И пошто сейчас его не ставят перед очи великого князя?

Войско, даже конное, не может идти непрерывно, останавливаясь только на ночь, иногда надо и дневку устроить, особенно ежели в обозе раненых везут. На дневках воины ехали в обоз, первым делом навестить раненых родичей и знакомых. Ехали с опасением – как там они? Знали, что не всех доведут, вот и переживали. Бывало, что и хоронили тех, чьи раны не вылечивались. Потом варили кашу или кулеш, меняли исподнее, у кого было в запасе, или, ежели рядом была какая-никакая речка или озеро, стирали и сушили у костров, купались сами и купали коней. Садились к котлам с варевом, хлебали горячее, потом, наевшись,

засыпали на пополах или на телегах, чтобы с восходом, когда пригонят табуны, поседлать коней и снова трогаться в путь, к дому.

Двор и ближники великого князя в походе также довольствовались малым, однако, перед дневками слуги уезжали вперед и ставили шатры князьям и большим воеводам.

Окольничий* Тимофей Вельяминов, брат Василия Васильевича Вельяминова, последнего московского тысяцкого, к большим воеводам безусловно принадлежал, поэтому на дневке отдыхал в своем шатре. Хотел было вздремнуть после обеда, но тут в его шатер наведалься

племянник Микула, друг и свояк великого князя, воевода Коломенского полка и родной брат изменника Ивана Вельяминова.

– Здрав буди, дядя! Никак я не вовремя?

– И тебе здравия, Микула, – ответил Тимофей и приказал слуге подать квасу. После гибели русской рати на Пьяне-реке* великий князь под угрозой опалы запретил хмельное питье в походе, особо наказав всем начальным людям быть примером остальному войску. Дозволил поить хмельным только раненых. Микула с легким поклоном принял корец* с квасом, с удовольствием выпил, крикнул, поставил корец на походный столик и вопросительно взглянул на дядю.

– Проведал про Герасима, – утвердительно проворчал Тимофей.

– Проведал. Везешь в обозе. Стерегут?

– Знамо, стерегут.

– А потом что? Мыслю я, ты его толком не расспросил?

– И не буду, – твердо отвечал Тимофей, – не хватало, чтобы князю в уши дули, что мы через Герасима с государевым изменником пересылаемся. А найдутся доброхоты, донесут, те же Акинфичи. Думаешь, ежели Федька Свибло не тут, а на Москве, так в свите его людишек нету?

– Вестимо, есть, как не быть, – с досадой махнул рукой Микула и задумался. Был он светел и прям, что назовут позже – рыцарь без страха и упрека. Поэтому, наверно, и доверял ему великий князь, тем более, что жены их были родными сестрами. И женитьбой этой Микула тоже невольно подчеркнул свою исключительность: – ну очень редко княжны за бояр замуж шли, чаще наоборот было. Ну а раз выдали княжну, да еще из хорошего княжеского рода – значит, углядел в нем тесть, суздальский князь, именно вот это достоинство, то, что на первом месте у зятя честь, а не другие качества. Но трудно такому человеку бывает сталкиваться с житейскими хитростями, ибо хитрости почти всегда граничат с обманом. Вот и сейчас Микула никак не понимал дядю. Он слышал, что отец Герасим просит допустить его до великого князя, дабы передать ему нечто очень важное, ну так почему бы и не привести его к Дмитрию? Он никак не предполагал, что отец Герасим может что-то такое сказать, что пойдет во вред именно Вельяминовым. Как все люди чести, он полагал выполнение служебных обязанностей важнее личной выгоды, даже и во вред себе. В этом и было его главное отличие от большинства бояр, людей безусловно порядочных, патриотов, верных соратников своего князя, но очень желающих, чтобы все эти качества приносили и материальную выгоду.

Чем дольше думал Микула, тем больше мрачнел и, горестно вздохнув, спросил:

– Неужто всегда и везде, во всех землях и во все времена вятские* люди за власть аки псы грызутся?

– Читай летописи, племяш. Святополк Окаянный братьев побил, Ярослав в Новгороде противу отца пошел и дани не дал, Кучковичи Андрея Боголюбского убили, а в Галицком княжестве и подавно бояре князя повесили*. А уж боярские распри мы каждый раз думой разбираем да мирим спорщиков.

– И что, никто не может эту неподобь унять?

– Церковь! Вспомни, как покойный митрополит, Царствие ему Небесное, княжеские распри одним словом прекращал, а уж о боярах и говорить нечего.

– Но его нет, а новый митрополит...

Оба замолчали, ибо даже им, верным, казалось грубой нелепостью сравнивать покойного Алексия с Митяем, архимандритом Спасским, княжеским духовником, коего великий князь прочил в митрополиты. Вдруг Тимофей вскинул прояснившийся взгляд на Микулу:

– Сергей! Троицкий игумен! Вот кто ныне совесть наша, дай ему Бог долгие лета.

– А ведь, дядюшка, непрост игумен, ох как непрост. Ты ведаешь, что за иноки в его обители спасают свои души молитвой и постом?

– Ведаю, племяш, ведаю. Кое-кого и по прежней их жизни знаю.

– Да уж...от бояр брянских да любутских до станишников да ушкуйников, только что не душегубов лесных.

– А и душегубы, думается мне, есть, коли не в самой обители, то в скитах лесных. Есть и с виду незаметные, по обличью миряне, кои и языки иноземные как свои ведают, и кем хошь притвориться могут. Да мало ли чего мы не ведаем про игумена и обитель...

– Это ты к чему, дядя?

– А к тому, что не буду я розыск с отцом Герасимом чинить, а на Москве передам его власти церковной, яко он – лицо духовного звания. Будем мы и перед князем чисты, и дело сделаем.

– А ну как к Митяю в лапищи попадет отец Герасим? Худа не будет? Тот ведь нам не друг никакой, а вот Акинфичи*...

– С отцом Герасимом трое бродников едут. Вот и подскажем им до Троицкой обители проехаться да игумену отцу Сергию весточку передать. Ну а Сергей всяко знает, как поступить.

– Не нравятся мне эти заячьи петли, да ты, дядя, поопытнее меня в делах таких. Пусть так и будет. Налей-ка кваску еще, – Микула выпил еще корец и, поклонившись и пожелав дяде Ангела-хранителя на сон, вышел из шатра.

Тимофей в задумчивости посидел еще некоторое время, потом опустил на колени перед походным иконостасом и погрузился в молитву, прося у Бога помощи в делах благих и богоугодных, под коими в первую очередь подразумевал те, которые укрепляли его положение при великокняжеском дворе. Однако, будучи человеком совестливым и искренне верующим в Бога, просил оградить его от происков нечистого, дабы не соблазниться делами неправедными, пусть и сулящими выгоду.

После дневки войско снова тронулось в путь тем же порядком. Снова отец Герасим, погруженный в свои думы, сидел в телеге, привалившись к мешкам возницы и глотал пыль. Бродники ехали возле телеги, замотав головы в башлыки от пыли так, что видно было только глаза. Накануне они искупались в ручье, постирали исподнее и были очень довольны жизнью, особенно Никон, с которым возница по-тихому поделился баклажкой с хмельным медом. Зато отцом Герасимом думы овладевали все более и более тяжкие, а будущее начинало казаться все более мрачным. Он не видел возможности предстать перед светлые очи великого князя, прекрасно понимая, что если передать сведения через кого-то другого, например, через того же Карпа Олексина, то неизвестно, в каком виде и насколько достоверными они дойдут до Дмитрия, которому придется принимать решение и действовать исходя уже из этой последней, искаженной информации. Живя на подворье знатного и богатого боярина, отец Герасим отлично представлял, как к преобразуется информация, пока дойдет, допустим, от воротного сторожа до тысяцкого. Он знал, что и великий князь это безобразие и сам прекрасно знает, и решать будет с учетом этого знания. Весьма вероятно, что потребует к себе отца Герасима, чтобы узнать все как есть, но те, кто передавал сведения, уже передавали их с поправкой на извлечение собственной выгоды, и для них было бы лучше во всех отношениях, если бы отец Герасим не дождал до встречи с великим князем. Не зря говорят: возле князей – возле смерти. От таких выводов тошно становилось отцу Герасиму. Нет, смерти и пыток он не боялся, ибо владел искусством исихии*, а к самой смерти относился как к перемещению из здешнего грешного мира в мир Горний. Вот не выполнить поручение и не помешать врагам Руси было для него куда горше смерти. И решил отец Герасим прибегнуть к средству верному, испытанному – к посту и молитве. Трое суток он пил воду и сосал сухарь, пояснив спутникам, что наложил на себя пост, и вечером третьего дня, когда обоз остановился на ночлег, встал на молитву, прося Господа вразумить его. Молился, как и положено, размеренно и осмысленно, без надрыва, чувствуя, что изнемогает от трехдневного поста, но не прекращая взывать ко Господу. Наконец уже под утро, когда занималась на восходе заря, и на него снизошло озарение – жизнь

в руке Божией, и не единый волос без воли Его не упадет с главы. За грех боярский и ему ответ держать надлежит, ибо кто, как не духовный отец должен наставлять сына духовного, побуждая к жизни праведной. Поняв, что идет волею Божией по праведному пути, что все будет хорошо, что дойдет весть до князя, возблагодарил отец Герасим Господа, поднялся с колен, еле добрел до телеги и, рухнув на свой тулуп, мгновенно уснул. Проснувшиеся бродники и возница, увидев его спящим, не стали будить, просто котелок, в котором варили уху из пойманной в речке вечером рыбы, прибрали в телегу, чтобы потом напоить отца Герасима густым рыбным бульоном. Сами запрягли, поседлали и тронулись в путь. Некоторое время ехали молча, потом Чур спросил:

– Дядя Никон, а что это с батюшкой? Никак, улыбается во сне.

– Он Бога спрашивал – что дальше делать. Видать, Бог вразумил его.

– А что, и я могу так Бога спросить?

– Не ведаю, наверно, ибо все перед Ним равны, как один монах гутарил. Только спрашивать не о пустяках надо, да подготовиться сперва. Чтобы Он услышал. Сказано – не поминай Бога всуе, то есть по пустякам.

– А что не пустяки?

– Наверно у каждого свои. Андрюха, ты как мыслишь?

– Бачко, я ведь воин, а не богослов.

– Я спрашиваю!

– Так, видно, про свои-то хотелки – и есть пустяки. А вот про то, что для других сотворить – не пустяки. Так мыслю.

Возница слушал этот разговор и прятал улыбку под густыми усами. И думал про себя, что вот он всю жизнь в седле, ни жены, ни детей не нажил на княжьей службе, и вроде бы растерялся – как дальше жить? Силы и здоровье давно не те, старые раны беспокоят все чаще. А тут осенило – монастырь! В обитель к Сергию-игумену! Справу ратную кому из молодых продать только, чтобы на вклад хватило, да и во святой час. От такой мысли старому воину даже весело стало, и он вопреки обыкновению встрял в разговор:

– Верно баешь, Ондрюшка. Нет большего праведника, чем за други своя живот положивших.

– Спаси Христос, дядько, на добром слове. Не ведаю, как величать тебя, – уважительно ответил Андрей. Все ж не отрок был, понимал вежество.

– Игнат Копыто я. Крестили Игнатом, а Копыто... кулак у меня как копыто, твердый да крепкий.

– Ладно, – вмешался Никон, – не докучайте Игнату расспросами.

– Да ништо, друже Никон, не в доuku мне. Мыслю я, крепко батюшко молил Бога, ибо и мне Господь верную мыслю послал.

Так за разговором и ехали, а отец Герасим спал и улыбался. А услышь он эти разговоры, то понял бы сразу, что верно истолковал Божью волю.

Когда подъехали к Москве и увидели каменный кремль, едва успели удивиться и обменяться мнениями, как подъехали дружинники Тимофея Вельяминова – чуть не десяток.

– Собирайся, отче, повезем тебя на подворье к митрополиту, велено тебя передать духовным властям, ибо ты духовного звания, – объявил старшой.

– На конь! – скомандовал Никон, – мы с вами.

– Не велено! – отрезал старшой, – одного везем. А вам найти пристанище, коли в дружину ни к кому не пойдете, и ждать. Коль надумаете назад возвратиться, на Дон – велено будет вас имать* как соглядатаев ордынских.

– Добро. Нехай Карп Олексин приедет. Без его слова никуда отца Герасима не пустим, – очень спокойно ответил Никон, а Андрей и Данил вынули сабли и положили поперек седел перед собой.

– А ну... – начал было команду старшой, – но тут раздался негромкий свист. Оглянувшись, старшой увидел Игната. Тот стоял в телеге, а в руках натянутый лук с наложенной стрелой, причем наконечник смотрит старшому в лицо.

– Покричи еще тут, – ворчливо произнес Игнат, – сказано – без Карпа никуда никто не поедет, внял? Посылай за ним кого-нибудь, да поживее, лук у меня тугой.

Старшой не стал испытывать терпение старого воина, мигом отправил пятерых искать Карпа, а тот как будто почувствовал – сразу нашелся и прискакал. Выслушал краткое, но подробное объяснение Игната и наехал конем на старшого.

– Давно ли ты стал митрополичьим слугой? – спросил таким тоном, что старшой побледнел и ответил севшим голосом:

– Так мне сам Тимофей Васильевич приказал...

– Добро. Выполняй приказ, но с нами вместе. Ежели на митрополичьем дворе никто ничего не ведаст – быть тебе от великого князя в опале.

– Да я что... я человек подневольный, как велено...

– Ладно, хватит пустое молоть. Игнат!

– Аюшки?

– Опусто лук и вези попу ко двору митрополита, ведаешь куда?

– В Черкизово али в Крутицы*?

– К Успенскому собору вези. Там при всех и передадим, – Карп обернулся к одному из своих сопровождающих: – скажи вперед, упреди там.

Тот кивнул и сорвался с места в галоп. Игнат опустил лук и взялся за вожжи, бродники вложили в ножны сабли, и все поехали следом за Карпом, который уверенно повел весь отряд к воротам в Кремль. Воины, охранявшие ворота, похоже, знали Карпа – лишь кивнули, безо всяких вопросов. Для Карпа и Игната город был родным, а бродники бывали и в Тানে, и в Сарае, поэтому Москва их не впечатлила. Отец Герасим же с умилением узнавал знакомые места и с радостью замечал, что город становится все краше. Он истово крестился на купола церквей и все больше светлел ликом, все его тревоги пропали. Поэтому когда телега остановилась у Успенского собора, и четверо дюжих монахов ловко подхватили его и чуть не волоком потащили внутрь, он даже испугаться не успел. Бродники сунулись было следом, но воины Карпа решительно преградили им путь.

– Не велено! – отрезал Карп, – да и опасаться вам нечего. Подите по своим делам, куда вам надо. Кроме как назад в Орду, путь вам везде чист. Могу вам и грамоту у дьяка выправить.

– И верно, – поддержал Карпа Игнат, – никуда отец Герасим отсюда не денется. Почитай, ваша служба кончилась. Ежели знакомцев у вас на Москве нет – пошли до моих хором, места всем хватит. Там поснедаем да в баньку сходим, да пива изопьем – легче думать станет.

– Ну коли так – веди, Игнат, – согласился Никон, – погостим у тебя, есть на что гостить да кормиться.

– Пошто обидеть хошь? – гневно спросил Игнат, – али я нищий? Не могу гостей принять как положено?

Он развернул лошадь и покатыл вон из Кремля, а бродники потянулись следом. Отъехав порядком от кремлевских стен, Игнат остановил коня у ворот в ограде обычного, ничем не примечательного дома, прыгнул с телеги и кнутовищем сильно стукнул в воротину.

– Кого Бог послал? – раздался густой бас из-за ворот.

– Отпирай! Пришел не брат, пришел Игнат! – громко ответил Игнат. Ворота со скрипом открылись, навстречу шагнул пожилой дядька небольшого роста, однако широкоплечий и длиннорукий. Увидев Игната, поклонился слегка.

– Добро пожаловать, хозяин. Гости с тобой?

– Гости.

– Ну гость в дом – Бог в дом. Велеть Устинье баню топить*?

– Вели. Вот, други, это мой единственный холоп, зовут...

– Кряж зовите, – перебил хозяина холоп, – слазьте с коней, обихожу как своих, вывожу, вычищу, в стойла поставлю и корму задам. Устинье накажу перекус перед баней вам принести, а и баню опосля затопить. Пиво подать?

– Квасу холодного в баню отнеси, а нам на перекус сыта* хватит, – Игнат махнул гостям рукой, призывая следовать за ним. Подойдя к крыльцу, широко и от души перекрестился и поднялся до дверей.

– Вот это и есть мои хоромы. Не боярские, да и не посадские*, хоть и на посаде. Заходите, люди добрые, сумы складывайте в сених, а сами заходите в избу да садитесь к столу. Сейчас, помолясь, перекусим – да и в баню.

Бродники последовали его совету в некотором смущении, ибо у них при возвращении из похода полагалось сперва умыться, потом в церкви помолиться, потом в бане помыться, и только тогда за стол садиться. Да, видно, на Москве обычай был другой. Поэтому, сняв пояса с саблями и кинжалами, гости вместе с хозяином встали перед иконами. Игнат прочитал Семи-поклонный начал*, все осенили себя крестом и, дождавшись, пока хозяин сел в красный угол, тоже расселись вокруг стола.

Вошла рослая и полная женщина в скромной одежде и вдовьем платке на голове. На подносе, который она поставила на стол, был хлеб, капуста и грибы в мисках, зеленый лук, нарезанная ломтями ветчина и парящие кружки с сытом. Переставив все на стол, она поклонилась, сделала приглашающий жест – кушайте, мол, развернулась и вышла.

– Прислуга? – спросил Никон.

– Соседка. Слыхали, что литва поганая Москву осаждала*? Я-то, как и положено, в Кремле был. А они с мужем да дочерьми уйти не успели, ну литовцы, знамо дело – на девок кинулись. Мужа из самострела сразу убили, так она вилами троих заколола. Девки побежали, но и их стрелами побили со зла. Ее поролли плетью так, что сами ужаснулись наверно, места живого нет на спине, вся и поныне в шрамах. Думали, что убили, а она четверо суток пролежала во дворе и выжила. Мы за литвой в угон ходили, когда полон гнали по посаду, она углядела одну рожу знакомую. Бросилась аки медведица, изломала его голыми руками. Стража ее хотела за это на правеж поставить, да я не дал. Боярин наш полковой потом лаял меня, хотел самого на козлы положить под батоги, да полчане* вступились. С тех пор у меня живет, только онемела с горя. Сам не трону и в обиду не дам.

– Вестимо, друже, – ответил уважительно Никон.

– Баня готова, – объявил Кряж с порога.

– Что так скоро-то?

– Так с утра топлена, стирала Устинья. Только воды нагрели – и готово.

– Ну коли так – пойдем-ко в баню, – встал Игнат, – исподнее чистое есть?

– В сумах.

– Вот и ладно.

Баня была небольшая, но вчетвером влезли без особой тесноты, оставив в предбаннике одежду. Наоплено было на славу! Веники замочены, мочалы и щелок* в наличии – парься, мойся от души, чем и занялись хозяин и гости. Потом, напарившись, пили в предбаннике холодный квас и снова парились. Когда по мнению Игната баня стала выстывать, вышли, надели чистое и отправились в избу, а Устинья пошла в баню – постирать грязное дорожное. Стол в избе был накрыт, были тут и горячие щи, и каша, и рыбка копченая. Вместо хлеба – пироги с капустой да яйцом. Рядом со столом сидел Кряж, а возле него – запотевший бочонок. Помолились, уселись, Кряж наполнил кружки пивом из бочонка и тоже присел к столу.

– Не боярин я, чтобы перед холопами величаться да чваниться, – пояснил Игнат, – всегда он со мной за столом сидит. В том моя хозяйская воля, и порухи вашей чести нет, стало быть*.

– Вестимо, хозяин – барин, – ответил Никон, а Андрей и Данил кивнули. Они не стали объяснять хозяину, что в ордынских степях иной раз приходилось не то что сидеть у костра рядом с рабом, а и есть-пить с ним из одной посуды. Вдруг хозяина обидит такой рассказ. Потому подняли все вместе кружки и выпили за окончание похода. Потом навалились на снесь, выхлебали и щи, и кашу, под пиво ушла и рыбина длиной в два локтя.

Когда насытились, и большая часть пищи переместилась со стола в желудки, налили еще пива, и Игнат объявил:

– А теперя давай раскинем мозгами, как и что делать. Мыслью я, что попа вашего сперва с пристрастием расспросят, потом поставят на пытку и, коли слаб окажется, то и вас, други, оговорить как ни то сможет. Вы хоть знаете, пошто он на Москву хотел попасть?

– Того нам никто – ни поп, ни епископ не сказывали, только ведомо, что везет он до великого князя весть тайную. Сказывал, что только самому князю объявит весть ту, – ответил Никон, а Андрей добавил:

– Мы с Чуром слыхали, будто про фрягов речь шла у него с епископом, а доподлинно не сведали. Вроде ни к чему было, а ноне жалко, что не сведали. Так, Даня?

Данил солидно кивнул, подтверждая слова старшего товарища.

– Ну вот, дело непростое, а на Москве фряги не то чтобы в силе, но и отнюдь не обижены, доброхоты у них и среди бояр найдутся. Особливо из таких, которые меч в руки не берут, а все гривны считают. Но они – самые опасные, ибо всегда при князе. Воеводы да служивые все больше в разъездах да в походах, а эти тут сидят да паутину плетут. И духовник княжий Митяй им потакает, потому что сам такой. Так что, други, думать надо – как попа вытащить из лап боярских да князю весть донести, – подвел черту Игнат.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.